

*...Не подумайте, что пробую написать
житие. Митрополит Иоанн и сам не велел.
Помню, просил я владыку (бывшего тогда
в расцвете благодати), чтобы позволил
написать о нем... 'Сам напишу, –
ответил. – Время придет'.
Не пришло время. Не успел, не написал.
Не могу ничего делать формально.
Митрополит Иоанн Бондарчук одно
со мной. Писать о нем все равно что
строчить собственную автобиографию...
Нет, лучше, как принято у старцев –
из уст в уста. Вернее запомнится
и глубже запечатлится.*

Блаженный Иоанн Богомил

Католикос Великого Востока
 Патриарх Иерусалимский и всея Палестины
 Преподобный Папа Римский

Из неопубликованного дневника
 солонецкого зка,
 митрополита Иоанна Бондарчука
 (1929-1994)

Католикос
 Патриарх

Папа Римский
 и другие
 Святейший
 Папа Римский
 и всея Палестины

митрополит в
 Солончи
 и другие

митрополит
 Солончи

БЛАЖЕННЫЙ ИОАНН БОГОМИЛ

НАРОДНЫЙ МИТРОПОЛИТ

Бельмонте
8-25 декабря 2014

Москва
2015

**‘СЛОМИТЬ ЕГО БЫЛО
НЕВОЗМОЖНО’,
или
‘ОН ОСТАЛСЯ.
ЕГО ПРИСУТСТВИЕ ОЩУТИМО’**

Петро Сорока,
писатель, член Международного
ПЕН-Клуба (Украина)

К прочтению этой книги я подступался долго. Даже слишком долго.

Так, наверное, подходил бы и к самому митрополиту Иоанну Бондарчуку, если бы Господь сподобил встречи с ним при жизни. Увы, не суждено было. Но встреча с книгой, в которой просвечивает его душа, – тоже событие незаурядное.

Маленькие чудеса начались с самого начала.

С утра занепогодилось. Солнце так и не вышло. Шел дождь, дул пронизывающий ветер, временами сыпало снегом... И это в середине апреля! Я сидел у окна (в комнате, словно ночью, царил сумрак) – как вдруг на

VIII

третьей странице небо прояснилось, и сноп яркого сияния залил окно, комнату, меня и книгу. Дальше я читал в озарении этого игристого света.

Но на этом чудеса не закончились.

Когда прояснело в небесах, из леса вылетел белый голубь, сделал красивый пируэт над нашим садом и сел на самую высокую крону под моим окном. Так и просидел больше часа.

Я воспринял это как добрый знак свыше.

Голубь-Дух и Солнечный День.

Больше небо не плакало, зато плакал я...

Часто спазматически и надрывно, порой тихо и болезненно.

Невозможно читать о крестном пути митрополита – и не заплакать. Грешно, стыдно, даже предательски-преступно. Потому что в юном возрасте получил ‘высшую меру наказания’, два десятилетия провел в концлагерях, прошел камеру смертников и камеру пыток, перенес шесть операций и неоднократные покушения на жизнь...

Жизнь Иоанна Бондарчука не только сплошное подвижничество, но и чудо.

Чудо духовной красоты и любви.

В книге много трогательных сцен. Уверен: она потрясет каждого, кто ее прочтет. Не потому только, что подвиг мученичества – особенная сфера, и не потому, что автор пересматривает тысячелетнюю историю мира и христианства, но и потому, что читателя ждут эпизоды совершенно загадочные, необъяснимые и мистические. Меня, скажем, потряс такой:

‘Однажды во время лагерных работ наткнулись на кости и череп умершего человека. Кто он? Откуда?.. Никто не знал и не хотел докладывать властям.

Убрали бы останки – и осквернили... Иоанн внезапно почувствовал мощевой запах от мученических косточек, и запало ему в сердце. К вечеру стал молиться. Закрыв глаза, и приснился ему следующий сон.

‘Стою и молюсь о неведомом усопшем этом человеке, а надо мной – Отец Небесный. Я ему: Отче незабвенный, как зовут этого человека? И услышал ответ: Григорий.

С тех пор не устаю молиться за него. Где бы ни был, всегда поминаю Григория на молитве – церковной, домашней, личной. Не для того ли Отец Небесный указал мне имя? Значит, душа нуждается в молитве’.

Приведенный пример показывает образ жизни митрополита, его прямую соотнесенность с небесным миром’.

Почему этот трагический случай произвел на меня такое глубокое впечатление? Родной брат моей матери – тоже Григорий – пропал без вести в Сибири. Его арестовали энкавэдэшники семнадцатилетним парнем за нелегальное пересечение границы в 1939 году, когда советские ‘освободители’ делили мир с нацистской Германией. На самом деле мальчик шел в соседнее село к брату. Его арестовали глухой ночью, и больше про него не было ни единой весточки.

Знаю, таких Григориев тысячи тысяч полегли в сибирскую землю с простреленными черепами и раздробленными костями... Но мне хотелось бы верить, что будущий митрополит нашел кости именно нашего Григория – как, наверное, он верил, что нашел останки своего безвинно замученного брата.

Книга имеет простую структуру, в которой продуманно сплетены авторское повествование, дневниковые записи Иоанна Бондарчука, фрагменты его разговоров и публицистических статей, вставные новеллы о подвижниках духа (старцах Варлааме и Симеоне, ма-

Х

тушке Еве, Григории Секаче и Евфросинии Почаевской), экстатические откровения, воспоминания отцов Ильи и Тимофея, полемические инвективы (глубоко освещена проблема конфликта РПЦ и УАПЦ) и теологические доктрины (очерк 'Иоанно-Андреевская ветвь против Петропавловской').

Чтобы облегчить читателю восприятие, непрерывный рассказ разбит на многочисленные этюды или тематически-целостные фрагменты, что отвечает духу нашего стремительного времени.

Но самое главное – жизнеописание и образ Иоанна Бондарчука. Не внешний (хотя внимательный читатель сможет явственно представить себе его харизматический лик), а внутренний, духовный образ 'украинского Христа'. Перед нами встает подлинный аристократ духа, прирожденный интеллигент с большой буквы, умный, по-доброму творческий и милосердный, а еще предельно простой и открытый, доступный для каждого и смиренный пред всеми, 'облеченный в божественные световые тела' и одновременно земной.

'Везде, где он проповедовал, – отмечает автор, – собирались толпы народа, и храм переходил из институционального обряда в церковь, им устрояемую. Без телевидения, ищеек и государственно-политической машины! Люди мирно переходили к нему! Стоило митрополиту один раз прийти в церковь и вознести молитвы, обратиться к пастве (в конце 80-х была очень напряженная ситуация, захватывались храмы, в Западной Украине многие переходили в униатство) – сила Духа Святого, гонимость, дух правды открывали сердца.'

Когда вел богослужение – люди плакали.

Когда говорил – наполнялись Святым Духом.

Когда пел – слетались ангелы и херувимы.

Чем-то разительно напоминал он Шевченко, который поражал слушателей не только светом пророческого слова, но и на редкость мелодичным голосом.

Особенная любовь Иоанна Бондарчука – музыка. Любил Баха и Моцарта, Березовского и Веделя¹, Лысенко² и Шопена. А еще украинские народные песни, которым отдавал предпочтение перед церковными. С особым чувством, со светлой слезой любил петь ‘Ой закувала та сива зозуля...’

Эту любовь пронес через всю жизнь, через тюрьмы и карцеры, лагеря и этапы. Она помогла ему выстоять под пытками и в камерах смертников, на симитированных расстрелах и операционных столах.

‘Как приятно удивлен был ваш покорный слуга, – с восхищением и удивлением отмечает блаженный Иоанн, – узнав от отцов, посетивших Украину, что митрополит Бондарчук обожал классическую музыку! Часами мог слушать записи Моцарта и Бетховена, своих любимых композиторов. Прекрасно играл на гитаре, скрипке и фортепиано. Мечтал освоить орган.

Сородные печати! Так и вашему покорному слуге Божия Матерь подала на Соловьиной горе музыкальный дар. Одна ветвь, одно преемство!

Музыка для митрополита всегда была первостепенна. Священническое служение в деревенском храме начал с того, что собрал селян, прослушал, у кого имеются хорошие слух и голос, и организовал хор. Церковь начинается

¹ Максим Созонтович Березовский (1745–1777) и Артемий Лукьянович Ведель (1767–1808) – украинские композиторы и дирижеры, классики украинской и европейской музыки. – *Прим. перев.*

² Николай Витальевич Лысенко (1842–1912) – крупнейший украинский композитор, пианист, дирижер, педагог, собиратель песенного фольклора. Основоположник современной национальной украинской музыки. – *Прим. перев.*

XII

для него с хора, которым лично руководит. Поют песни церковные и светские (в т.ч. зэковские) вперемешку. Иоанн сам составляет композиции’.

И еще такой существенный акцент:

‘Понимаю, почему Царица Небесная дала мне дар музыки после скромной просьбы на Соловьиной горе о каком-нибудь хобби, чтобы отвлечься от напряженной духовной работы. Существует прямая связь между словом и музыкой.

Каббала, например, переводит каждую из букв иудейского алфавита на нотный стан. ‘Алеф’ соответствует ‘до’ первой октавы. ‘Бейт’ – ‘ре’ и т.п.

Связь слова и музыки безусловна. Каждый словесный текст можно переписать музыкально, а музыкальный – от Палестрины до Скрябина – перевести в словесный.

Царица Небесная, находясь в немоцах на Соловьиной горе, переписывала музыку Христа в Слово. В свою очередь Слово ‘Розы серафитов’ можно перевести в ненаписанный квартет Моцарта...

Человеческий язык понятен только тому, кто говорит на нем. Универсальный язык музыки открыт одновременно тысячам миров.

Доступен не только людям, но даже анималистическим мирам, т.е. разнообразным животным: слоникам, дельфинам, собачкам, рыбкам и всем добрым существам. Разрушает геоцентрическую скорлупу вокруг Земли. Приобщает человека к языку Универсума. Ломает приоритеты ветхо-новозаветной синагоги вместе с культом предвзятого слова: мол, духовны только канторское пение или орган в римской церкви, храм с посиделками с понедельника до понедельника.

Иоаннова ветвь акцентирована не столько на словесных проповедниках или визионерах, сколько на миннезин-

герах, певцах вышней любви, чья тайная штаб-квартира – Соловьиная гора!

Стоит отметить, что авторское повествование до краев наполнено музыкой – то тревожно-надрывной, трагичной, то возвышенно-вдохновенной и оптимистической. Это достигается исключительно мелодичной словесностью, гармоническим акцентированием фразы, изысканной виртуозностью слова и еще чем-то таким, названия чему ну никак не придумаешь, но что составляет необъяснимую тайну Иоаннова письма, всегда рождающегося на стыке вербальных и музыкальных вселенских сфер.

Есть имена, в которых закодирован глубинный архетип. Одно из них – Иоанн Бондарчук: на первый взгляд, слишком простое, традиционное, как бы с налётом бытовой этнографичности... но вместе с тем изначально-народное, вековое, как код рода и нации.

Имя человека практически всегда мистическим образом связано со своим носителем и случайно неდებაется. Вот как об этом сказано в книге:

‘В паспорте записан как ‘Боднарчук’ – вместо ‘Бондарчук’. А было: Бонд – от bondad (доброта), нар – народный, чук – человек. Добрый народный пастыр’.

Красноречива, эмоционально окрашена фамилия у народного митрополита – не случайно и место рождения.

‘Маленькая полузаброшенная церквушка была в селе Иоанно-Пустое (читай: опустошенное Иоанново наследство, Иоанново преемство, Иоаннова ветвь) Борщевского района Тернопольской области.

У отца моего Николая спрашивал:

– Что за странное название у деревушки нашей?

XIV

– Иоаннова пустынька. В народе ее переименовали, чтобы понятно было и для неверующих: Иоанно-Пустое...'

В земной жизни пути блаженного Иоанна и Иоанна Бондарчука не раз пересекались. И не просто пересекались, а сливались, создавая сверкающие золотые скрепления, чтобы где-то там, в вечности, уже никогда не разрываться.

Естественно, если бы не было у этих двух великих людей духовного сродства, созвучия взглядов и убеждений, корнями идущих из соловецкой сферы (*‘Как узнал о Серафиме Умиленном, о его житии, о затворе с тремя белогорскими старцами, о слезах мироточивых – принял великого старца за идеал и всегда полагал отцом!’*), а также дара мистического видения и осознания реинкарнационной перспективы, – то не было бы и пересечения, а соответственно и этой книги, которая теперь призвана вовлечь в свое силовое поле тысячи и тысячи читателей.

‘Иной раз говорили мне: ‘Какие дары у вас, владыка! Наградил вас Отец Небесный многими харизмами...’ Льстили будущие предатели из моего окружения. Я не удивлялся. Мы с о.Иоанном облагодатствованы из одного соловецкого источника, через общего отца – Серафима Умиленного’.

Многое объединяло отца Иоанна и Иоанна Бондарчука, даже высокое имя, а также необходимость борьбы с канонизированным мировоззрением, с иерархией устоявшихся догматических ценностей, с представлением об институциональных мифологемах как о чем-то непреходящем и вечном, чему сопричастен человек не только на земле, но и на небе.

Про эту высокую сородность можно написать еще одну большую книгу, но оставим сей труд для будущих исследователей. Одно сложно обойти вниманием: ми-

трополит Иоанн Бондарчук рукоположил отца Иоанна в епископы, что на церковном языке называется ‘хиротония’. Этот высокий поступок-порыв, который тогда был воспринят действующими церковными иерархами как своеобразный вызов, конечно же, дался ему нелегко и впоследствии, полагаем, стал одной из причин его трагической гибели.

Не могу не отметить и любовь этих двух светильников веры к дневниковому дискурсу, в чем усматриваю не просто специфическую жанровую заинтересованность, но знак духовной избранности. За этой любовью стоит склонность души к исповедальности. Вот как об этом сказано в книге: *‘Всю жизнь вел дневник... – чисто эковское. Ээки часто вели записи. Представьте, какие мысли приходят в голову в одиночке перед расстрелом! А когда Божия Матерь является – как не записать?! Больше всего ценился кусочек бумаги с карандашом...’*

От книги исходит горный свет и горячее дыхание, которое согревает и озаряет, вдохновляет и трогает. Невозможно не ощутить, сколь много души вложил в нее автор, с какой любовью и трепетом работал над нею, вынашивал каждую мысль, фразу и лексему.

‘Много отрывков из неопубликованного дневника митрополита Иоанна приведу вам сегодня. Там много слез, особенно по поводу львовского митрополичьего периода. Вроде бы был главой церкви (вначале 500, потом более 700 приходо́в!). Организовал семинарию. Проповеди, лекции, аудиенции, сотни учеников... И ни одного, кто пожелал бы унаследовать духовное преемство Соловков.

А как Слово Матери Божией прочитал и отцов наших повидал (о.Паисия, о.Иоанна, о.Илью Христова-Граалева) понял: вот они, священники духа истинного!’

XVI

В этой книге каждое слово надыхано Украиной – загадочной и непостижимой державой, что лежит в центре Европы, а Европа о ней практически ничего не знает. А еще здесь хорошо передан дух Галичины, которая в полноте сохранила скитский, гиперборейский, андреевский свет, и которую не случайно коммунистический режим хотел растворить на Соловках³.

Кажется, нигде в Украине не проявляются с такой силой, как в Галичине, культ Божией Матери и кодекс совести, сжатый блаженным Иоанном до семи пунктов-позиций, которые звучат так:

1. Наивысшая ценность – человек, а не храм, литургия, государство и пр.
2. Непривязанность к ритуальным культам и школьным догматам.
3. Творческая одаренность. Вдохновение веры, вдохновенная духовность.
4. Открытость сердца.
5. Аристократизм духа. Недистантность. Простота.
6. Народное православие.
7. Особое поклонение Царице Небесной как обязательное условие сохранения чистоты на земле.

Народ всегда имеет такого духовного пастыря, которого заслуживает. Другое дело, что силы зла примириться с этим никак не могут.

Иоанн Бондарчук сказал: ‘Разобьюсь в лепешку, а миропوماжу Иоанна Береславского’.

Прошло совсем не много времени, как ему устроили дорожную аварию, в которой он и на самом деле разбился насмерть...

³ Во времена сталинского режима планировалось вывезти всех галичан в Сибирь, но это не удалось из-за недостатка вагонов. – Прим. П.Сороки.

В этой книге много печально-познавательного и мудрого. Читатель, ищущий просветления, может черпать из нее, как из доброго и светлого источника, целые пригоршни сентенций и максим, интересных поучений и наставлений.

‘Чуть позже помощник матушки Евы нам объяснит, что по электрическим проводам передается тяжелая психическая энергия и, чтобы сохранять внутренний мир, нужно жить при свете свечей, не пользуясь искусственным мертвым светом электростанций’.

Чувствуется, что книга написана с особой любовью и исключительным чувством. Словно незримым светом, пронизана она высоким уважением, пиететом и увлеченностью фигурой народного митрополита. Тут автор остается верен лучшим чертам своего неординарного и всегда узнаваемого стиля – безупречной художественности, изысканной образности, философской глубине и крылатой афористичности.

‘Церковная иерархия родилась со смертью последнего из апостолов’.

‘Особенно же мне ненавистна дистантность. Священник держится за километр от паствы. Епископ – за километр от священника. Митрополит – от священника на расстоянии от Москвы до Питера или от Дрогобыча до Монреалья’.

‘Дар читать приходит после того, как проходишь смертные врата...’

Над этой книгой – покров Богородицы, поэтому все ее силовые линии легко и естественно сводятся к Ней:

‘От старцев лагерных научился я особо трепетной любви к Царице Небесной. Свидетельствовали:

XVIII

– Нигде так не близка Матерь Божия, как в заключении. Чем больше скорбей крестных – тем ревностней Царица Небесная ухаживает за тобой.

Говорит: ‘Христос в земные дни был в заключении. Я служу вам, поскольку вижу в вас Христа’.

‘Отсутствие живого поклонения Царице Небесной, – пишет Иоанн Бондарчук в дневнике, – переводит в порядок смешанности, и дьяволу попускается травить и переворачивать. Царица наша ставит безусловный покров против смешанной модели, губящей человечество’.

Какой вывод напрашивается после прочтения текста?

Имеем *книгу-действие* о великом человеке, действительно *народном* митрополите, что великая редкость в истории церкви; *книгу-событие*, в которой воплотилось всё величие и сила человеческого духа, способного противостоять ужасающей сатанинской действительности; в конце концов, *книгу-набат*, которая предостерегает и побуждает к прозрению, имея значение не локальное, а всечеловеческое!

Эта книга, несомненно, послужит благородному делу единения двух великих народов – русского и украинского; единения, где акцент смещается на уровень души и любви, т.к. не ум (который слишком легко поддается влиянию догматических, исключительно интеллектуальных материй), а *сердце* является источником чувств и центром аутентичного знания-мудрости.

И еще.

Можно расходиться в мировоззренческих и религиозных взглядах; можно по-разному оценивать прошлое... но единственным верным критерием оценки человеческой деятельности была и всегда будет оставаться *любовь*.

XIX

Когда я поставил последнюю точку в этой статье,
над моим окном вновь появился голубь.

И солнце безраздельно стало властвовать на про-
светленных небесах.

21 апреля 2015

*Перевод с украинского:
Лев Артёмов, Леонид Белов*

От издателей

ДОБРЫЙ ЮРОДИВЫЙ МИТРОПОЛИТ

Леонид Белов

Митрополит Иоанн Бондарчук – фигура знаковая в Украине. Двадцать лет прошло со дня его мученической кончины, а помнит народ доброго неотмирского пастыря. Проповеди его разносились по всей стране. Человеколюбивое пастырское служение окормляло тысячи, так что съезжались к нему из самых дальних городов и весей. Никого не отвергал, принимал, каждому дарил любовь, благословение, наставлял старческим словом правды.

Помнят многие. Но кто может, положа руку на сердце, сказать, что понял *тайну* митрополита-мученика, вошел в его крест, увидел его, принял от него духа святого?

Пишут статьи, снимают фильмы, представляя святителя то иконой УПА, то церковным функционером, без

особого успеха боровшимся за влияние с 'конкурентами' из киевского и московского патриархатов...

Все это внешнее, не имеющее ни малейшего отношения к духовной тайне великого светильника, выстрадавшей на медных рудниках Степлага, на многолетнем пастырском кресте.

Перед вами *книга открытого сердца митрополита Иоанна*. Уникальный мемориальный свиток, позволяющий сквозь канву внешних событий, страданий, духовных браней проникнуть во внутренние палаты отца новой, преображенной Украины, свободной и просветленной Украины будущего. Увидеть многое так, как видел сам владыка Иоанн. Совершить великую переоценку ценностей и получить импульс к собственному очищению, преображению и просветлению.

Автором своеобразного евангелия митрополита Иоанна стал другой Иоанн – российский подвижник, старец, реформатор церкви, с 1984 года получающий откровения Божией Матери. Гонимый фарисеями, оклеветанный, но обожаемый в народе, высоко чтимый многими представителями праведной русской интеллигенции, архиепископ Иоанн Береславский – духовный побратим Иоанна Бондарчука, его верный друг в вечности.

Удивительны промыслительные судьбы. Между собою два святителя почти не встречались. А сердце имели одно. Безмолвный диалог, мистический телеграф между Москвой и Львовом не прерывался ни на минуту. Как горячо митрополит Иоанн интересовался Словом Богородицы, идущим через российского помазанника! Просил присылать ему каждую новую книгу откровений, ночами плакал над ними, принимая без малейших сомнений, благословляя и принимая бла-

XXII

гословение, благоухаясь благодатью небесных свитков. Слышал в них голос Той, которая являлась ему в карцерах Степлага и множество раз спасала от верной смерти.

Книга блаженного Иоанна – дань памяти и благодарности. Митрополит Иоанн Бондарчук – один из тех, кто стоял у истоков нового, преображенного российского православия. По его прямому архиастырскому благословию образована Церковь Божией Матери Державная, первоиерархом которой стал блаженный Иоанн Береславский, в 1990 году принявший от руки митрополита Иоанна епископскую панагию.

Сама Царица Небесная пожелала так, чудодейственно устроив обстоятельства! Вспоминает священник Паисий (Краснов), летом 1990 года посетивший владыку в его львовской резиденции:

‘По прямому благословию Божией Матери мы – несколько благовестников – отправились на Украину. Заходили во все храмы подряд, и к православным, и к католикам, и к униатам. Если видели на священнике признаки живой веры, подходили, знакомились, рассказывали об откровении Пречистой отцу Иоанну. Никто не откликнулся! Повсюду, как и в России, вера сонная, родовая. ‘Слово Божией Матери? Да, да...’ – и ноль реакции.

Годы были бурные. Люди выходили на площади, митинговали. На Украине развернулось движение ‘Рух’. Мы были свидетелями, как толпа собралась, чтобы повалить памятник Ленину в центре Львова... А Божией Матери – бойкот!

Ходим мы третью неделю безрезультатно. Священники – колдун на колдуне. Поклоняются иконам, а к самой Пречистой, к ее живому откровению равнодуш-

ны! Мыкаемся без крыши над головой, ночуем на скамейках, на вокзалах... У одного из храмов повстречали женщину. 'Помоги, матушка, странники мы! Благовествуем Слово Божией Матери добрым людям. Не позволишь ли у тебя переночевать?'

Та приютила нас, накормила. Сели беседовать. Слушает она про отца Иоанна, про откровение Царицы Небесной, и вдруг говорит: 'А я знаю, к кому вам нужно. Есть здесь владыка Иоанн Бондарчук, праведный, со святым духом. В таком-то храме проповедует. Вы идите к нему, он вас услышит!'

На следующее утро явились мы в тот самый храм. Литургию служит сам митрополит. Видно, что человек божий, простой, неотмирский, вдохновенный. Таинственный. Служит не по-архиерейски, без фарисейской рутины. Когда совершают положенные по ритуалу церемонии (облачение в одежды и т.п.), стоит смиренно, как бы отбывая номер. Но молится живо, огненно, прободенным сердцем. Молится и проповедует по-украински. Мы тогда мову почти не понимали, но чувствовали – одного духа с нашим о.Иоанном. Проповедует не по-книжному, а по-народному, из опыта. Ведет речь о Христе, о Божией Матери, причем говорит глубоко и просто, преломляя духовность в измерение повседневной жизни. По-старчески открывает ключи практической праведности.

После службы вокруг владыки – толпа народа. Всех окормляет. Добрейший. Абсолютно лишен дистантности, открыт, доступен. Для каждого находит несколько слов. Всматривается глубоко в душу, читает в сердце, берет на себя горести и скорби паствы, взамен дарит утешение и радость.

Подошли и мы к нему. Сказать успели несколько слов: 'Матерь Божия открылась старцу отцу Иоанну...' По-

смотрел внимательно, орлиным взором: ‘Здесь недосуг. Приходите завтра ко мне в приемную, там поговорим’.

Назавтра с утра мы в митрополичьей резиденции, располагавшейся юродивым образом на ул. Ленина, 1. В приемной человек тридцать, большей частью пожилые... Впрочем, нам долго сидеть не пришлось – видно, ждал владыка нашего прихода. Практически сразу пригласил в свой кабинет, где кроме него был епископ Данила (ближайший сотрудник Иоанна, имевший дар духа святого слышать голос Матери Божией) и еще какой-то священник.

Говорили мы минут пятнадцать. Рассказывали о великом откровении Пречистой, о временах преображения, о том, что в России воздвигнут белый старец в силу древних богодухновенных помазанников, чтобы реформировать церковь, вернуть православие на путь святости и правды. Говорили о наших литургиях открытого неба, обогащающих литургический строй живыми, свыше открытыми молитвами и песнопениями... Показали книги Слова Божией Матери.

Книгами митрополит живо заинтересовался. Взял в руки, полистал, и вместе с двумя ближними удалился в отдельную комнату. Не было их минут десять. Потом открылась дверь, и появился Иоанн Бондарчук – лик вдохновенный, глаза сияют, весь озарен огнем святого духа.

‘Я понял, для чего вас Господь послал! На Украине вам делать больше нечего. Возвращайтесь к своему отцу Иоанну и передайте – пусть приезжает ко мне, я посвящу его во епископа. Нужна новая иерархическая ветвь, новая церковь от Божией Матери на Святой Руси!’

Видимо, они молились, спрашивали волю Божию. Иоанн, заглянув в книгу, узнал голос Царицы Небес-

ной. Истинного духа откровения! Обратился к епископу Даниле: что скажет Божия Мать? И Она дала понять, чего хочет: чтобы Иоанн передал каноническое преемство российским отцам, чтобы через них продолжилась мученическая и пророческая ветвь соловецкая!

Многим ли открыта тайна митрополита Иоанна? Вряд ли догадывались о ней даже ближайшие его соратники-иерархи, ныне занимающие высокие места в украинской автокефалии да киевском патриархате... Тайна его в том, что был митрополит *помазанником Второй Голгофы* – одним из миллионов агнцев закланых на всемирном кресте XX века. И мученической кровью тех агнцев, новых христов великих и малых, искуплена земля и исходатайствовано преобразование мира, о котором возвещает в своих откровениях Пресвятая Мать.

Прошедший десять лет лагерей, познавший несколько смертей, знал Иоанн то, о чем ведасть не ведают канонические да протокольные владыки: что есть *другая церковь* – не каменная, а живая, и иерархия не бумажная с печатями, а иная, огненная. К ней принадлежал, приняв посвящение от христа Второй Голгофы Серафима Умиленного, тайного патриарха Гулага.

От той же ветви, от той же таинственной церкви – и наш отец Иоанн. Потому и не усомнился митрополит ни на минуту: вот тот, кто достоин принять от него преемство, истинный наследник духа соловецких отцов! И впоследствии всегда за нас стоял, не отрекся, несмотря ни на какое давление. И даже будучи ошельмован, оклеветан и сослан за штат, оставался нам верен, и мы ему верны.

Книга, которую вы держите в руках, – дань благодарности блаженного Иоанна Береславского блаженнейшему митрополиту Иоанну Бондарчуку. За смелость и

XXVI

мученическую верность. За истинность духа и огненность веры. В ней прочтете вы о многих неизвестных страницах жизни святителя, кропотливо собранных по крупицам, а во многом – открытых свыше.

Но есть в ней и нечто большее: мистический диалог двух помазанников, которым от Бога дано знать глубочайшие тайны земных и небесных путей, большинству не открытые. Сегодня пришло время открыться этим тайнам, поскольку грядет пора *великого очищения церкви*.

Одна из важнейших тайн, которые следует знать любящим и помнящим владыку Иоанна (и в книге ей посвящено немало страниц) – тайна АПОСТОЛЬСКОГО ПРЕЕМСТВА АНДРЕЕВСКОЙ ВЕТВИ.

Сам митрополит Иоанн всегда настаивал, и созданная им Украинская Автокефальная Православная Церковь восприняла как догмат: *истинное крещение Руси не от князя Владимира идет, а от апостола Андрея!*

В основании русского христианства – не княжья воля, не имперский византийский канон, с политическим расчетом скопированный жестоким и похотливым царьком, а богоматеринская любовь и теплота, рыдающее сердце и устремленность к божеству Христа. Известно – сама Богоматерь послала Андрея Первозванного на Русь. А какие таинства предшествовали тому – о том открывает Она сама сегодня белому старцу Иоанну Блаженному.

Автор книги, блаженный Иоанн, сам из породы мучеников. Первым в России прославил подвиг Второй Соловецкой Голгофы, за что подвергся покушению, перенес клиническую смерть и чудом выжил. Подобно митрополиту Иоанну, был ошельмован и гоним на родине – воистину, нет пророков в своем отечестве. Но помазанническая и архипастырская совесть его, как и

у владыки Иоанна, чиста. Подобно Христу, он мог бы спросить своих врагов: ‘Много добрых дел показал я вам от Отца и Матери моих. За какое из них хотите побить меня камнями?’

Несомненно, Россия, Украина и весь мир еще услышат (и уже слышат!) весть блаженного Иоанна, и, как святой украинский митрополит, с восторгом примут Слово Божией Матери, изрекаемое через него.

Весть о.Иоанна – весть самой Пречистой Девы – о вещах превечных, об архетипах. Таково извечное отличие Андреевской ветви от фарисейской, ортодоксальной: черпает от первоисточников, несет христианство неискаженное, чистое, живое. А в нем преломляется духовность древняя, еще гиперборейских времен, вѣдомая на Киевской Руси – благодаря ей Русь и признала Христа и Матерь Божию, приняв благовестие и чашу Святого Грааля от апостола Андрея.

Блаженный Иоанн проповедует *православие истинной метки* – чуждое догматическому начетничеству, фарисейской дистантности, холодносердечию, межконфессиональным и межнациональным разборкам. Христианство добрых белых старцев, девственников. И свойственным ему прозорливым оком различает вестников этого истинного христианства среди церковноиерархов (как митр. Иоанн Бондарчук), катакомбных монахинь (как духовная наставница Бондарчука матушка Ева Почаевская, которой посвящено немало страниц в книге) и простых божьих людей. Столпы этого доброго светлого христианства – девство, правда, любовь и верное братство (которое увидел и которым так тронут был львовский владыка при встрече). То, что важнее любых догматов и канонов и, в сущности, единственно угодно Отцу нашему, Христу и Божией Матери.

XXVIII

Блаженный Иоанн называет это истинное христианство давно забытым, но трогающим славянское сердце именем – БОГОМИЛЬСТВО. Вера в милующего Бога и в людей милых.

Вопреки школьным сказкам, богомилство – не какая-то невнятная ересь раннего средневековья, а собственно *изначальное, источниковое христианство*, истинное *православие*, претерпевшее лютые гонения от *правоверия* – ортодоксии византийской и владимировой масти.

Да, было оклеветано, запрещено, стерто из памяти, от чего много горя пришло на землю... Но нет-нет да и проявляются благодатные рецидивы богомилства в современные замшелые фундаменталистские времена. Богомилская архетипика, духовная историческая память об Андреевской ветви жива в народе несмотря ни на что. Люди ждут и ищут огненных подвижников духостяжания, что пекутся не о канонических территориях, не о казне, не о мошне, а о любви Божией, как светлой памяти Иоанн Бондарчук – истинно народный, истинно *богомилский митрополит!*

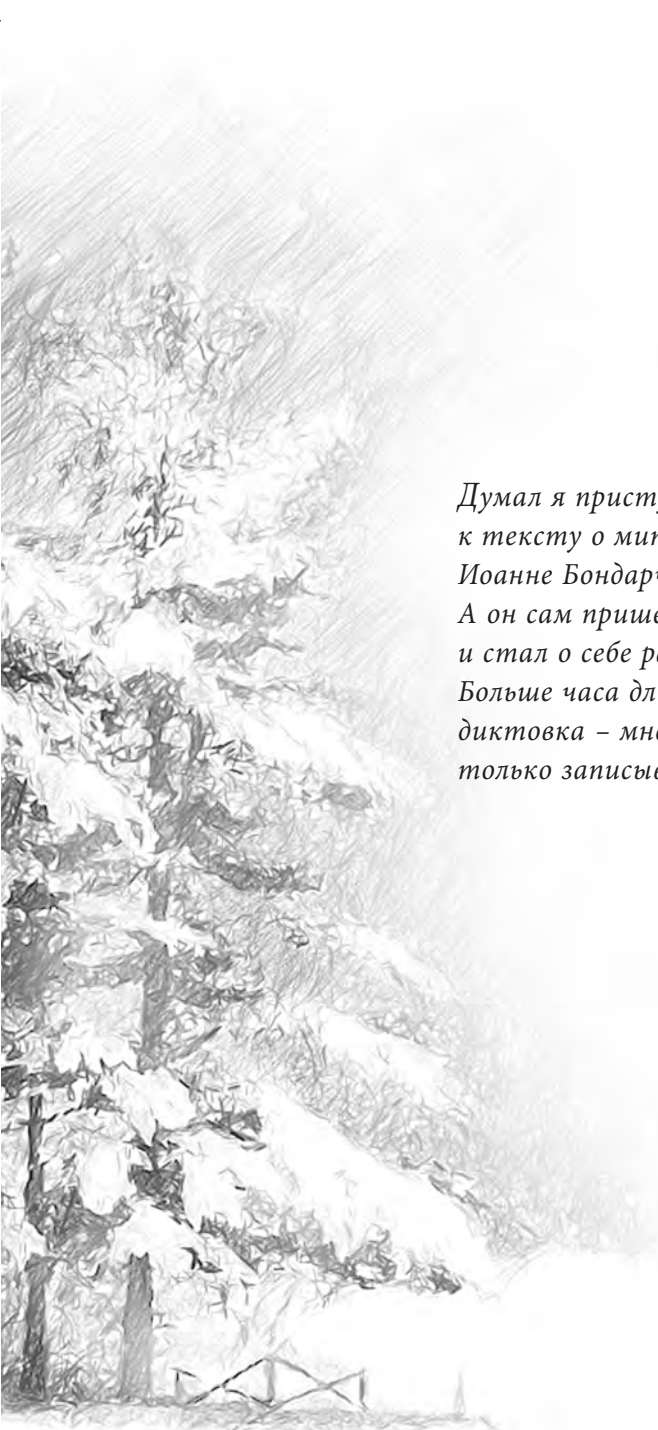
Дорогой читатель, перед вами – не просто серия очерков. Это своего рода евангелие Андреевской ветви, свиток о деяниях ее современных апостолов. На земле они – ээки, в прямом и переносном смысле. Несут тяжелые кресты... Но благодатью божией им открыто то, о чем не узнаете в каменных кафедральных соборах: как среди засилья зла разгорается негасимая свеча доброты и любви нашего добрейшего добрых Отца Небесного.

Кто прочтет открытым сердцем – получит откровение о том, как действует Дух Святой в наши дни. Увидит и познает *другого Бога* – не злого Саваофа-Элогима,

отца 'Спаса Ярое око' Третьего Рима, а богомильского Добробоженьку. Уязвится скорбью Богородицы о том, как мало на земле пастырей добрых и праведных. Но и премного утешится от того, что есть они, и ветвь их множится несмотря ни на что... и что можно найти их, наставиться от них и пополнить их число!

Благослови, Царица Небесная, чтобы в душах читающих эту книгу возгорелся богомильский огонь любви, доброты и ревности о правде. Да расцветет непорочная святыня Божией Матери – обновленное и очищенное православие Андреевской ветви, за которое отдал жизнь митрополит-мученик Иоанн Бондарчук!

*Думал я приступить
к тексту о митрополите
Иоанне Бондарчуке...
А он сам пришел ко мне в духе
и стал о себе рассказывать.
Больше часа длилась ночная
диктовка – мне оставалось
только записывать...*

ЖИТИЕ
МИТРОПОЛИТА-МУЧЕНИКА
ИОАННА
БОНДАРЧУКА,
РАССКАЗАННОЕ ИМ САМИМ

Записано блаженным Иоанном

“ Не думайте, что только вам дано видеть уделы свои и чужие. Я тоже вижу. И когда вы посетили меня в моей митрополичьей резиденции – увидел всё, что мне надлежало увидеть.

Я же зэк. Избитый до полусмерти зэк, инвалид, калека. А зэки всё видят. И увидев о.Иоанна с его спутниками, понял: верные, не предадут. И сказал себе:

‘За *ними* будущее. Живой или мертвый, продолжу эту церковь в России, хотя бы пришлось поплатиться жизнью...’

Вы – истинного духа!

Я человек широкой души и рукополагал немало. Чадам готов был отдать последнее... А в ответ – предательство. Что толку, если число приходов умножилось вдесятеро? Ни одного верного ученика!

Когда вас троих рукополагал в епископы (хиротонисал, если по-прежнему), знал, на что иду. Стоило того! *Вы – истинного духа!*

Один истинного духа священник стоит тысячи предателей-лопухов с глазками, косящими в сторону.

Вместе с освоением ритуала, на что уходит с дюжину лет, священники переживают такое, о чем и говорить стыдно: фарисейское буквоедство и вековые иерархические заморочки: гипноз древней буквы, гипноз предания и гипноз преемства...

Особенно же мне ненавистна дистантность. Священник держится за километр от паствы. Епископ – за километр от священника. Митрополит – от священника на расстоянии от Москвы до Питера или от Дрогобыча до Монреаля. (Маршрут, дважды с таким трудом преодоленный мною в земные дни. Никто больше не решался сделать опасную опе-

рацию на почке, а иначе не дожить бы мне до шестидесяти пяти...)

Казахстанская каторга-кафедра научила читать

Я не столь наивен, как меня представляли ученики-предатели. Песни пел, уже будучи митрополитом, каких не пел после заключения по чудотворном освобождении с помощью Царицы Небесной.

В зрелом возрасте, окруженный почестями, чувствовал себя хуже, чем в Гулаге. Беспросветное духовное одиночество.

А когда вас увидел – прочел

в о.Иоанне многое, чего он сам о себе даже не подозревал. Духовным взором смерил о.Илью и прочитал, что мне было открыто...

Казахстанская каторга-кафедра научила *читать*. Зэки читают насквозь. От них ничего не скроешь.

‘Жизнь положу, но рукоположу!’

В благодарность Матери Божией, после того как чудодейственно был перенесен по воздуху через шестиметровую лагерную ограду с пропущенным через колючую проволоку током, дал слово *быть Ее духа*.

Одежды выглядят царственно. Никаких следов театральности и уродства, как обычно на православно-архиерейском облачении. Под парадными ризами – одеяние простого монаха. Истинное его облачение – простое, темное, а царское отбрасывает: стесняет, неудобно.

Усердно молился в храме живой молитвой в присутствии многотысячной толпы, просил Ее за себя или за ближних... А в затворе, наедине, просил стать истинного духа. И когда увидел духа Божией Матери на о.Иоанне, на отцах Паисии и Илье и нескольких других священниках, сказал: 'Жизнь положу, но рукоположу!'

Читать мог не только вашу книгу бытия, но и свою. Знал, что будут звонить, угрожать, провоцировать... Отвечал как положено зэку: 'Я прошел такое, что вам и не снилось. Ничего не боюсь. Рукоположил тех, кто продолжит ветвь истинной церкви в России – катакомбной, подпольной или как хотите называйте. Наследников Божией Матери и духа Евфросиньюшки мироточивой, духа отцов и добрых пастырей, каких мне пришлось встречать в Гулаге'.

**Посвятив в епископы о.Иоанна,
я выполнил прямую волю
Серафима!**

Слезоточивых старцев видел тысячи... а разделил удел нашего общего отца – Серафима (Михаила Александровича Романова), патриарха соловецкого, бывшего наследника российского престола и последнего русского императора.

Как узнал о Серафиме Умиленном, о его житии, о затворе с тремя белогор-

скими старцами, о слезах мироточивых – принял великого старца за идеал и всегда полагал отцом!

5

Мой епископ-богосвед Данила (в подметки не годится о.Иоанну) умел читать по Книге жизни. Владыка Серафим сказал ему: ‘Иоанн продолжит нашу ветвь. Рукополагай и не бойся. Через него просияет церковь соловецкая воскресением Второй Голгофы’.

Посвятив в епископы о.Иоанна с положенными ставленническими грамотами и подарками, я выполнил прямую волю о.Серафима!

Епископам Тихону и Лазарю, также принявшим хиротонию через Серафима, наказал: ‘Когда в Москву вернетесь, на следующий день посвятите о.Иоанна как положено, чин по чину – в епископских одеждах, с фимиамом и ‘аксиос’. Не беда, что вас всего двое в домашнем катакомбном храме. Справа от Лазаря будет стоять Серафим, патриарх соловецкий. Слева – ваш покорный слуга’.

Помните, как митрополит Геннадий вначале отказался рукоположить о.Иоанна? А когда московские странники уже покинули трех старцев и были в километре от их катакомбного храма, велел еп.Феодосию (Гуменникову) срочно вернуть их...

Геннадию явился Серафим и лично благословил рукоположение!

Схимитрополит каялся, что много ошибок совершил, рукополагая недостойных. Но после откровения Серафима беспрекословно, без раздумья хиротонисал о.Иоанна. Рисковал головой, как я спустя несколько лет...

Чаша Серафимова

Старец Геннадий научился читать Книгу жизни на каторге.

Дар *читать* приходит после того, как проходишь смертные врата. Приговорили к смерти или твердо решил, что уже никогда не вернешься на землю... Наступает либо отчаяние (и тогда каюк), либо возрождение. Царица Небесная сподобляет многими дарами, ежели душа благородна (для зэка это важно паче прочего), совесть чиста, дух истинен и налицо рыцарский почерк.

Тайна отца Серафима не раскрыта миру! Не многие даже из священников Церкви Божией Матери Державной Владычицы неба и земли прозревают, кто такой Серафим!

Патриарх соловецкий, он владел несметною сокровищницей даров. Обрести их можно единственно через него.

Иной раз говорили мне: 'Какие дары у вас, владыка! Наградил вас Отец Небесный многими харизмами...' Лытели будущие предатели из моего окружения.

Я не удивлялся. Мы с о.Иоанном облагодатствованы из одного соловецкого источника, через общего отца – Серафима Умиленного.

Мучеников сотни тысяч и миллионы... Каждый источает последнюю каплю в чашу *Серафимову* слезоточивую – мироточивую.

Ивано-Пустое: Иоаннова пустынька

Маленькая полузаброшенная церквушка была в селе Ивано-Пустое (читай: опустошенное Иоанново наследство, Иоанново преемство, Иоаннова ветвь) Борщевского района Тернопольской области.

У отца моего Николая спрашивал:

– Что за странное название у деревушки нашей?

– *Иоаннова пустынька*. В народе ее переименовали, чтобы понятно было и для неверующих: Ивано-Пустое.

Помню: мне годков было не больше пяти с половиной. Впервые примостился на хорах нашей церкви, названной в честь евангелиста Иоанна Богослова. Во время пения душа относилась в храм небесный... Плакал так, что несколько носовых платочков сменил. Старушки смотрели ласково и говорили: ‘Великий сердцем будет. Наш владыка будущий, хотя и мученик’.

И теперь скажу: *мученичества искал*, ничего не боялся.

После стольких лет заключения, пережив с десятков смертей, ждешь мученичества как разрешения удела, как счастливого венца.

Отец мой Николай был за дьячка в нашем деревенском храме. Читал Апостола и руководил клиром. Несказанный был человек! Всего себя посвятил освобождению Украины и достойному воспитанию детей.

Отец благоговел перед церковной службой. Я обожал, стоя неподалеку, созерцать его богодухновенный лик. Уже тогда, пятилетним мальцом, читал то, что мне было открыто, и думал: 'Надо же! Телом вроде бы отец здесь, в храме, рядом со мной, а дух его на небесах. И мне бы так. И я бы так хотел!..'

*

Отцу не было и 50-ти, когда чекисты вызвали его на допрос и стали спрашивать про старшего моего брата Ивана: 'Как ты воспитал его националистом, что тот вступил в ОУН? Сам такого же духа! Рассказывай детали. Выдавай подробности'. Наотрез отказался.

Избили его до полусмерти. Едва пришел в себя и через несколько дней умер.

От моего старшего брата Ивана (в монашестве Василия – будущего митрополита Тернопольского и Бучанского УПЦ Киевского патриархата) требовали, чтобы братьев своих выдал.

Василий не раскрыл рта под пытками. Дали ему десять лет за принадлежность к подпольной организации ОУН. Отбыл срок в Норильске и вернулся в родное село. Мне тогда было шестнадцать.

Маму с братом Григорием выгнали из дома. Пришли, устроили обыск, поломали мебель, разрушили что могли. Уничтожили вещи, письма, книги... Потом сожгли хату дотла и на ее месте построили красную штаб-квартиру.

Пришлось мне покинуть Ивано-Пустое. Выехал в Ивано-Франковскую область и поселился в небольшом селе Ключев, что Коломыйского района.

Служил в крохотной местной церквушке в честь святой Параскевы-мученицы. Видел, как священника отца Тихона сопровождали ангелы небесные, когда выносил чашу из царских врат... Сердце болело – мечтал служить на родном украинском языке, который обожал.

Ради людей отдавал все силы до конца. Служение в крестной любви, истощание и жертва были смыслом его жизни. В бывшем экзе-митрополите действовало *непорочное начало* – тайна святых, открытая лишь мученикам любви.

Арестовали меня в 1949 за сочувствие украинскому национальному движению. (Дошли толки: настучал сторож церквушки.) Было мне тогда девятнадцать с небольшим. Угрожали смертельными пытками. Говорили, что из заключения не выйду: расстреляют или дадут пожизненное.

Хотели приговорить к смерти, потом заменили смертный приговор лагерями... В бумагах написали: 'В марте 1950-го на основании документов как предводитель группы банды ОУН осуждается ОСО на 20 лет за контрреволюционную деятельность с отбыванием срока в исправительно-трудовом лагере'.

Позже особым советом при МГБ СССР лагерь заменили пожизненной ссылкой. Отправили на принудительные работы далеко на Восток.

Близость смерти и безысходность обращали непритязательных обывателей в живых святых!

Долго везли меня в товарняке, потом в столыпинском вагоне в Кенгир, на медные рудники Караганды...

Всю молодость и лучшие годы жизни провел за решеткой. Работать приходилось по 12 часов в сутки. Как говорила вохра, чтобы мыслей не было в голове. Кандалы с рук не снимали даже ночью. Мороз за минус тридцать. Руки-ноги от-

морожены, щеки как деревянные. Еле ноги волочили... Об одном думали: как бы хлеба наестся досыта.

11

Каторжане – народ обреченный. Знали, что заживо записаны в покойники. Были уверены: не выйдем никогда... Но не падали духом.

Иные перерождались. Близость смерти и безысходность погашали ветхие земные программы и привязанности. За краткий срок обращали непримечательных обывателей в живых святых!

Перед просветленными буквально преклонялся. Добрели так, что не выразить словами! *Благодать* стояла – вохра не смела подойти. Вокруг творились чудеса. Мороз не брал подвижников. Умиравшим помогали: коснется ручкой, проведет по челу, поцелует в лобик – и боль ушла... Подобно ангелам принимали на ручки и преподносили Царице Небесной. Так и говорили: ‘Мать Божия Путеводительница среди нас’.

От старцев лагерных научился я особо трепетной любви к Царице Небесной. Свидетельствовали:

– Нигде так не близка Мать Божия, как в заключении. Чем больше скорбей крестных – тем ревностней Царица Небесная ухаживает за тобой.

Ее слова: ‘Христос в земные дни был в заключении. Я служу вам, поскольку вижу в вас Христа’.

Пытки в Кенгире

Пытки в Кенгире были зверские, жестокие, запредельные. Сколько унижений пришлось пережить!.. Только характером стал крепче. Сломить меня было невозможно.

Перенес шесть тяжелых операций. Мог умереть на хирургическом столе... Операционная – юродивая, примитивная. Инструментов, по сути, никаких. Царица Небесная невидимо стояла над врачами.

Долг у меня перед Ней великий, по сей день и час не выплаченный!

Царица Небесная спасла меня не меньше двадцати раз от верной смерти. Сидел с уголовниками. Какие унижения пришлось вытерпеть!.. Теперь понимаю: необходимо было для воспитания души доброго пастыря пройти свое заключение. *Печати представились от Второй Соловецкой Голгофы.*

Опыт карагандинской преисподней пригодился позднее, когда по телефону угрожали расправой, требуя подписать бумагу о снятии с тебя, Иоанн, хиротонии епископской...

Искал подражать старцам

После нескольких лет каторги искал подражать старцам, что восхищались в огненных столпах. Хотел помогать обездоленным и униженным из народа.

Вохра угрожала, пытала... затем плюнула. Сочли 'законченным', что значит: не поддается обработке страхом и мучениями. Оставили в покое.

13

Собрал я лагерный хор, чтобы поднять дух упавший у моих братушек да соседушек. Пели мы песни трогательные на разных языках. Были среди нас русские, латыши, евреи, поляки...

На одном из концертов без согласия начальника лагеря спели украинскую песню 'Ой закувала сива зозуля'⁴. Солировал тенор Илюша родом со Львовщины. Голос у него был ангельский. Все кругом плакали навзрыд...

После концерта братья-каторжане несли меня на руках до барака. А там уж поджидают чекисты: 'Как посмел без разрешения петь национальные песни, осужденный за связи с националистами?'

Отправили в карцер соседней зоны. С полмесяца просидел в ледяной камере, на одной холодной воде... Царица Небесная приходила и питала лепешками. Выжил только благодаря Ее вмешательству и участию.

Выпустили едва живого. Шел и падал...

Литургия по памяти

Много было в лагере наших галицких и закарпатских священников. У кого-то оказался из дому юродивый бокальчик,

⁴ Ой закувала сизая кукушка (укр.).

не конфискованный охранниками. У кого-то чудом килограмм изюма. Сделали из него вино, пошили воздушки, эпиграхиль – и служили литургию по памяти, со многими живыми возгласами.

Когда произносили традиционные стихи, ничего особенного не происходило. Но когда начиналась *живая молитва* – слезы лились и лились!.. Многие переживали благодатное присутствие Царицы Небесной.

Имея опыт служения в церквушке в селе Ивано-Пустое, исполнял роль дьякона и регента. Если свободный час выдавался – стихи приходили на ум скромные, простые, иногда вместе с музыкой.

Стихи для меня служили единственным утешением в тюрьмах, на этапах и пересылках. Когда записать не было возможности (лишний клочок бумаги не задерживался), заучивал на память. Порой записывал на грубой мешковой бумаге...

На свободе кое-что вспомнил, пел в кругу близких и плакал. Какая слышится боль сердца! Как еще заключенный выразит свою запредельную скорбь, если не словами песни?

Издревле повелось – пели каторжане про горькую свою долюшку, плакали... и становилось чуток легче.

**‘Мне Божия Матерь
наказала вы́ходить тебя’**

15

Так бы и преставился в заключении – туберкулез почек на последней стадии. Мамочка Небесная услышала мою молитву. Буквально за несколько дней, если не часов до смерти пришла и перенесла по воздухам через колючую проволоку.

Помню только: на долю секунды увидел Ее скорбный материнский лик... Пришел в себя спустя несколько суток. Вижу: склоняется надо мной добрая старушка. Звали ее Марианна. Приняла меня как родного сына.

Спрашивал со слезами:

– Что ж ты, матушка, столько теплоты душевной и участия проявляешь? Я ведь каторжный, беглый, обреченный... Тебя за меня посадят...

– Молчи, сынок! Мне Матерь Божия наказала вы́ходить тебя. Возвращаюсь после недолгой отлучки домой – ба! Лежит больной искалеченный мужчина, по всему видать зэк-каторжанин. Ну, думаю, не миновать и мне осуждения. Скажут, что пособничала побегу, расстреляют или дадут пожизненное... Вдруг слышу во внутреннем голос Божией Матери:

‘Не бойся, Марианна. Се избранник божий. Прими его как родного сына. Вы́ходи: парным молочком питай да целебными травками, тебе известными.

Сделаешь как Я скажу – приму в свой час в мой удел'. Как могла я не послушаться саму Царицу Небесную?

Прятала Марианна меня в чулане, чтобы никто не заметил, не настучал. Когда боли прошли и совсем поправился, сказала:

– Тебя, детка, Божия Матерь спасла из заключения и исцелила. Ее благодари.

Таково было материнское напутствие старицы!

На тебе благодать особая – от Соловков

Когда ушел от Марианны – жил какое-то время нелегально, как владыка Серафим. Сподобился нескольких встреч с ним и с тремя митрополитами из казачьей станицы⁵.

Старцы уговорили остаться с ними, трогательно заботились обо мне. Когда мои раны чудодейственно зажили, Геннадий Секач говорил:

– На тебе благодать особая – от Соловков. Долго среди нас не удержишься... Трудно тебя отпустить: поешь так, что сердце от благодати разрывается... Иди. Благословляю.

Когда уходил от геннадьевцев, говорил:

– Я не надолго. Вернусь к вам.

– Не вернешься, – провидел Геннадий. – У тебя своя дорога. Но мы с тобой не-

⁵ В станице Махосhevская в катакомбном скиту скрывался схимитрополит Геннадий (Секач) с духовными чадами митрополитами Феодосием и Григорием, преемниками Серафима Умиленного. – Ред.

разлучны. В вечности окажемся в одном уделе близ владыки Серафима.

17

Острожские

Направили меня в Ленинградскую семинарию – грамоту церковную осваивать. Не хватало образования катакомбным отцам. В службе плохо разбирались – больше духом служили да слезами. Говорили: ‘Нам нужны мужи ученые’.

Выполняя послушание, закончил семинарию в 1960 году и поступил в духовную академию. На первом курсе заметил меня митрополит Ленинградский и Ладожский, позднее патриарх Пимен (Извеков). Лично рукоположил в сан пресвитера. Много лет потом провел я среди клира РПЦ. Набрался чуждого...

В академии полюбили меня за голос, увидели потенциального лидера и поручили руководство академическим хором. Исполняли наши кенгирские песнопения, от которых слезы текли по стенам медных рудников Караганды. Слегка изменяли, конечно. Брал я древний наш напев под дуду или старую гитару с рваными струнами, а слова подбирал церковные. Никто и не догадывался, что песнопение-то наше, зэковское...

Кенгирские песни пользовались особым успехом. Когда преподаватели академии спрашивали: ‘Где ты такие песнопения слышал? Вроде бы церковные,

да не наши...' – плел им разную чепуху, чтобы не восстали, не заподозрили.

Защитил кандидатскую по теме: 'Просветительская деятельность князя Константина Острожского, его борьба с католицизмом и унией'. Князь Константин привлек меня своей фамилией. Мы ведь все острог прошли – *острожские...*

По окончании академии служил в нескольких храмах Львовской и Тернопольской епархии. 6 октября 1977-го московский патриарх Пимен, симпатизировавший мне, назначил епископом Житомирским и Овручским.

Спустя несколько дней в Почаевской Лавре принял постриг от епископа геннадьевского Андриана. Он списался со старцами из Махосевки, и те меня благословили.

Одновременно ходил в иеромонахах Почаевской лавры... и числился в клире ИПЦ.

Важно было не потерять преемство от катакомбной церкви! Через него умножались дары, полученные в заключении. А через отождествление с РПЦ МП уходила благодать...

Будучи епископом Житомирским, тяготился: кругом фарисейство, доношительство. Не смог найти общий язык с уполномоченным по делам религии Анатолием Топольницким. Тот не хотел признавать священников, мной рукопо-

ложенных, и регистрировать новые церкви. Подал против него судебный иск и выиграл дело – беспрецедентный в истории СССР случай!

19

**Кто в Гулаге побывал –
из Гулага не выходит**

Прекрасно белое омытое евангелие. Пре-
благоуханные ароматы входят прямо во
внутренние замки!

Кто в Гулаге побывал и познал с на-
ше – получил особые печати и *из Гулага
не выходит*. Мы так и думали: никогда
не выйдем!

Подлинная духовная жизнь начина-
ется после отчаянного кризиса. Уже не
быть на свободе. Путь один – в могилу
телом и в Царствие Небесное духом.

Помочь могли только бесплотные си-
лы ангельские да сама их Предводитель-
ница Царица Небесная, оказывающая за-
ключенным особый покров...

Видал, к скольким Божия Матерь при-
ходит на помощь одновременно – диву
давался! Невозможно забыть подобное!
В каждом страждущем видала своего бо-
жественного Сына. Помогая нам, помо-
гала Ему – боль у Нее была такая от ие-
русалимского креста Царя славы! И тем
самым насаждала Его печати среди свя-
щенников, переживших Гулаг.

Отсюда благодать особая и связь пря-
мая между Второй Соловецкой Голгофой

и Царицей Небесной, преизобильно нас облагодаствовавшей!

Скорби невыносимые, запредельные... Но и благодать такая, что не снилась ни одному светскому иерарху с самыми высокими титулами и дипломами...

Великие дары получили священники ваши от отцов Второй Соловецкой Голгофы. Пусть не забывают о них и регулярно упоминают в молитве.

*

Виджу: отец Иоанн нашел выход из застоя и кризиса и сделает то, что я не успел.

За мной шли тысячи – заслуга Второй Соловецкой. За о.Иоанном последует мир.

Сама Божия Матерь так пожелала. Никто не посмеет Ей перечить!”

ЗЭК-МИТРОПОЛИТ

Обитал на земле в сани митрополи́чем
Дажь-Добробоженька в человечьем обличи.
Зэк, до полусмерти трижды избитый,
торжественно возводится в народные митрополиты.

Зэк остается зэка́, будучи и архиереем.
И в шарашке Духа Святого парение
выше, чем в храме с парашей
и двумя прихожанами посередь дороги.
А в спину бьет анафема из ортодокс-синагоги.

За кафедральным собором дежурит
сердечная Скорая.
А над алтарем простирается Собор Соловецкий
с Теоэнхендрадору⁶.

⁶
Теоengendradora (исп.) –
Богородительница

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

VII

От издателей

XX

1. ЖИТИЕ МИТРОПОЛИТА-МУЧЕНИКА
ИОАННА БОНДАРЧУКА
РАССКАЗАННОЕ ИМ САМИМ

2

2. ЛЮБОВЬ К ЛЮДЯМ

22

3. БОГОМИЛЬСКИЙ ДЕДУШКА

64

4. ЧЕРНАЯ И БЕЛАЯ ЦЕРКОВЬ

115

5. МИТРОПОЛИТ ИОАНН БОНДАРЧУК
И АНДРЕЕВСКАЯ ВЕТВЬ

142

**6. ИОАННО-АНДРЕЕВСКАЯ ВЕТВЬ
ПРОТИВ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ**

165

**7. МАТУШКА ЕВА, ПОСЛЕДНЯЯ
ИЗ ПОЧАЕВСКИХ СТАРИЦ**

200

Приложение

ВЕЧНЫЙ ЗЭК ЗА СВОБОДУ ХРИСТА

(Илья Христов-Граалев)

238

ПОЧАЕВСКАЯ БОДХИСАТВА

(Тимофей Коллириадов)

252